

Советский Союз и Ислам

Category: Kitapcy, Taryhy makalalar

написано kitapcy | 26 января, 2025

Советский Союз и Ислам СОВЕТСКИЙ СОЮЗ И ИСЛАМ

Советское правительство с первых дней своего прихода к власти делало ставку на ислам, как на будущего своего союзника, располагающего огромными народными массами, якобы готовыми немедленно присоединиться к коммунизму и поддержать большевиков в их усилиях взорвать на всем Востоке установленный веками феодальный порядок, побеждающий его буржуазный капиталистический строй, а прежде всего колониальную и полуколониальную системы, угнетающие и эксплуатирующие мусульманские народы.

Ленин и Троцкий крепко верили в то, что большевизму удастся в ближайшие же годы «освободить» раньше всего народы Востока с тем, чтобы потом произвести без особого затруднения свою «перманентную революцию» и на Западе, и во всем мире. Такой расчет казался Ленину с первого взгляда тем более правильным и возможным, что в случае успеха советской пропаганды большевизм привлек бы на свою сторону свыше миллиарда людей, т. е. половину населения всего земного шара. В этой огромной людской массе ислам господствовал безраздельно над умом и сердцем 400 миллионов верующих. Кроме того, в самой советской империи к

1921 году, т. е. ко времени восстановления старых российских границ, числилось около 30 миллионов мусульман.

Однако целый ряд грубых политических ошибок, допущенных советской дипломатией и пропагандой, уже начиная с 1920 г., во время и после – Бакинского конгресса народов Востока, с одной стороны, и постепенное после второй Мировой войны – освобождение, помимо Советского Союза и без содействия последнего, большинства мусульманских народов Азии, находившихся прежде под владычеством колониальных держав Запада (Пакистан, Индонезия, арабские страны), разбили надежды Кремля на советизацию мусульманского мира. Мало того, советское правительство благодаря своему воинствующему атеизму, а также жестокому преследованию вместе с христианской религией и ислама и, наконец, вследствие варварской депортации из Крыма и Северного Кавказа в Среднюю Азию целых мусульманских народов вызвало всеобщее негодование и вражду к коммунизму и Советскому Союзу во всем мире ислама. Если теперь еще некоторые мусульманские страны, борющиеся за свои национальные идеалы, как, например, Египет, заигрывают с Советским Союзом, как с крупной внешнеполитической силой, то моральный авторитет Кремля в названных странах подорван навсегда и бесповоротно.

После революции 1905 года ислам получил в России почти равноправие по сравнению с православной церковью, а тем самым и возможность свободной деятельности в области религиозной проповеди, духовной школы и печати и пр. В дореволюционной России мусульмане пользовались повсеместно свободой религиозного культа, и даже применения в семейных делах норм мусульманского права – шариата. Наконец, мусульманская религиозная община имела право владеть вакуфным недвижимым имуществом, создавать благотворительные и культурно-просветительные общества и т. д. Так как ислам является неотъемлемой составной частью не только религиозных чувств и воззрений, но и культуры, а равно социального и семейного быта всех мусульманских народов Советского Союза, то национализм тех же народов находит действенную опору в своей вере. В этом отношении влияние и значение ислама можно сравнить с ролью православной церкви в период освобождения балканских народов – греков и славян – от турецкого владычества.

Считаясь с этим, советское правительство проявляло с самого начала сугубую осторожность в своей национальной и религиозной

политике по отношению к мусульманам. Этим обстоятельством объясняется то, что всего неделю спустя после октябрьского переворота – 2 (15).XI.1917 г. – была опубликована «Декларация прав народов России», провозглашавшая, что «национальная политика советской власти, это – политика добровольного и честного союза народов России, основанного на взаимном доверии». Декларация гарантировала вместе с «равенством, самостоятельностью и правом народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельных государств», также «отмену всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений». Таким образом, декларировалось право народов России на самостоятельное государственное существование и полную религиозную свободу. Затем, по истечении всего лишь пяти дней после упомянутой декларации, появился 20 ноября 1917 года манифест, обращенный «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», в котором подчеркивался снова принцип права всех этих народов на полную национальную независимость, а также давалось заверение в том, что «отныне ваши верования, ваши обычаи, ваши национальные и культурные учреждения останутся свободными и неприкосновенными». «Вы сами должны устраивать, – говорилось далее, – вашу жизнь по-своему, согласно вашим желаниям».

Все эти обещания не были, конечно, искренними. Они являлись лишь тактическим ходом чрезвычайно слабого тогда советского режима и продиктованы были стремлением советского руководства вырваться из тисков так называемого «капиталистического окружения», еще не признававшего Советский Союз.

Мягкость, терпимость и даже покровительственное отношение большевиков в 1917–1921 годах к мусульманству отличалось между тем от режима террора против православной церкви и ее служителей. Объясняется это, прежде всего, тем, что церковь была в глазах большевиков силой контрреволюционной, сторонницей монархии, а, следовательно, и «белого» движения, в то время как мусульманские народы считались элементом, заинтересованным в победе революции. Поэтому советское правительство не щадило никаких усилий для того, чтобы приобрести симпатии мусульманских националистов и держать их подальше от борьбы большевиков внутри русского народа за власть. С другой же стороны, красная Москва стремилась своей чрезвычайно либеральной, т. н. «ленинско-сталинской

национальной политикой» удержать в составе советской империи мусульманские области Кавказа и Туркестана, которые отчасти еще в период Временного правительства вступили на путь выхода из состава России и образования своих собственных самостоятельных государств. Во время гражданской войны (1918–1921) они сохранили полный нейтралитет, не вмешиваясь «во внутренние дела» русского народа.

Всякие же попытки «белых» правительств, в особенности генерала Деникина, вовлечь их в гражданскую войну были встречены решительным отказом и даже защитой своей самостоятельности с оружием в руках. Наиболее ярким в этом отношении примером является поход Добровольческой армии на Северный Кавказ (1919). Генерал Деникин послал туда один из своих трех корпусов в надежде получить от Кавказа три новых корпуса. Ослабив, таким образом, свой фронт, находившийся уже у Орла, Деникин потерял всю войну.

Вообще большевики оказались лучшими тактиками, чем «белые» генералы. Как раз в период гражданской войны советское правительство проявило необычайную гибкость и наибольшую долю лицемерия именно на Кавказе, вынужденное защищать против Добровольческой армии декларированную всеми тамошними народами независимость (май 1918) в форме четырех национальных республик. Политика красной Москвы в этот именно период на Кавказе прекрасно характеризуется в статье К.Исламова: «Сталин и мусульманский вопрос» («Свободный Кавказ». – Мюнхен. 1951. №1, октябрь). Этот автор, глубокий знаток советской действительности, указывает, прежде всего, на то, что «большевики расчленили мусульманский вопрос на две части: 1) мусульманский вопрос, как вопрос политико-национальный (имея в виду все народы мусульманской религии), 2) мусульманский вопрос, как вопрос культурно-религиозный».

«Чтобы успешно разрешить первую часть вопроса, надо было, – пишет далее автор, – проявить высокую тактическую гибкость в отношении второй части (культурно-религиозной). Этого требовала и программа ВКП(б), в которой сказано, что необходимы особая осторожность и особое внимание к пережиткам национальных чувств». Это указание программы большевиков Сталин интерпретировал так: «То есть, если, например, прямой путь уплотнения квартиры в Азербайджане отталкивает от нас азербайджанские массы, считающие квартиры, домашний очаг неприкосновенными, священными, то ясно, что прямой путь

уплотнения квартиры надо заменить косвенным, обходным путем. Или еще: если, например, дагестанские массы сильно заражены религиозными предрассудками, идут за коммунистами «на основании шариата», то ясно, что прямой путь борьбы с религией в этой стране должен быть заменен путями косвенными, более осторожным и т. д. и т. п. Короче, от кавалерийских набегов по части «немедленной коммунизации» нужно перейти к продуманной и осмотрительной политике постепенного вовлечения этих масс в русло советского развития» (И.В. Сталин. Т. IV. — С.361–362).

То же самое говорил и Ленин еще в 1921 г. в своем «Письме к коммунистам Кавказа»: «Коммунисты Кавказа должны не копировать нашу тактику, тактику русских коммунистов, а применительно к местным условиям видоизменять ее... больше мягкости, осторожности, уступчивости по отношению к мелкой буржуазии, интеллигенции и особенно крестьянству. Более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму — вот что возможно и необходимо для республик Кавказа в отличие от РСФСР. Вот что надо понять и уметь осуществить в отличие от нашей тактики» (В.И. Ленин. Т. XXV, 3-е изд. — С.192).

Чтобы завоевать окончательно доверие и симпатии мусульман к себе и поднять свой престиж в глазах мусульманских масс, советское правительство уже в декабре 1917 г. и январе 1918 г. делает ряд символических жестов, долженствовавших доказать искренность дружбы и благоволения Кремля по отношению к исламу: мусульманскому съезду, происходившему в то время в Петрограде, был вручен экземпляр «Священного Корана Османа», хранившийся раньше в Государственной публичной библиотеке; возвращается в то же время башкирская мечеть «Караван-Сарай» в Оренбурге, историческая башня «Сумбеки» в Казани. Равным образом возвращаются мусульманским народам Средней Азии, Казахстана, Крыма и Кавказа национально-исторические и религиозные памятники, конфискованные в разные времена Российским правительством. Советская историческая наука расценивала все завоевания Российской империи на окраинах как открытый грабёж и насилие над мусульманскими народами, их культурой, религией, нравами и обычаями.

При комиссариате по делам национальностей, которым руководил Сталин, был создан «Мусульманский Комиссариат». Его обязанностью было «разрабатывать проекты декретов и постановлений советской власти применительно к особенностям восточных народностей и проводить их в жизнь». Тот же

комиссариат вел большую агитационно-пропагандную работу главным образом через давших себя обмануть духовных лиц, которые проповедовали о родстве доктрины Ленина-Маркса с исламом. Муллы, в большинстве случаев не знавшие русского языка, поверили в коммунистические догмы. Они известны были на Кавказе как «советские шариатисты», потому что агитировали «за советскую власть, за шариат». Эти муллы слепо и искренно верили в то, что Кремль стремится установить советскую власть на мусульманских окраинах на принципах ислама и шариата. Доходило до того, что пророк Мухаммед сравнивался с Лениным, а Коран — с большевизмом. Далее некоторые мусульманские богословы за границей благодаря поверхностному знакомству с существом большевизма дали ввести себя в грубое заблуждение. Возникло причудливое положение, сравнимое с понятием, которое французы вкладывают в слова «*journes des dupes*», т. е. обманутых в их доброй вере и потому невольных соучастников безбожной политики, приведшей их в ближайшие же годы к собственной гибели.

Как же можно было, в самом деле, не поверить большевистским обещаниям, когда, начиная от 1918 года, открыты были мусульманские комиссариаты не только в областях с коренным мусульманским населением, как Туркестан, Идель-Урал Крым и Кавказ, но даже в чисто русских губерниях, как, например, в Петроградской, Архангельской, Пермской, Вятской и т. д., и когда по приказанию советского правительства проводились по всей стране многочисленные мусульманские съезды под такими лозунгами, как вера, свобода и национальная независимость.

Можно с полной уверенностью утверждать, что образовавшиеся сейчас же после Октябрьской революции независимые мусульманские государства в Средней Азии и на Кавказе погибли в 1920–1921 гг. не только под ударами Красной армии, но и от лживой «мусульманской» пропаганды Кремля. После утверждения владычества большевиков на мусульманских окраинах Кремль из тактических соображений мирился с существованием в этих областях шариатских судов, духовных управлений под председательством муфтиев, религиозных школ (медресе, мектебов) и издательств.

Таково было положение мусульманской религии в Советской России в первые годы консолидации большевистской власти в стране, где православная церковь подвергалась самым жестоким гонениям.

В то время совершенно иначе, чем ныне, представлялось

положение советского государства, не признанного еще ни одним правительством в мире. Чтобы добиться восстановления дипломатических отношений с иностранными государствами и в особенности с великими державами, Кремль использовал, между прочим, и свою происламскую политику, перенеся пропагандную акцию на весь мусульманский Восток. Первым шагом для достижения этой цели должен был стать конгресс восточных народов в мусульманском Азербайджане.

После утверждения в 1920 г. своей власти на Северном и Южном Кавказе и в Туркестане и восстановления, таким образом, непосредственного соседства со странами Ближнего и Среднего Востока советское правительство поспешило сразу же приступить к широкой организации коммунистической пропаганды в Передней и Восточной Азии и, в частности, в мусульманском мире. На этот раз предполагалось приступить к осуществлению на деле широковещательных обещаний относительно быстрого освобождения «колониальных и полуколониальных» стран от западного и, в частности, от английского и голландского империализма.

С этой целью созван был в Баку «Конгресс народов Востока» с участием в нем около двух тысяч делегатов (1920). На этом конгрессе представлены были и все мусульманские народы Советской России. Задачей конгресса было положить основание не столько «освобождению» восточных народов, сколько большевизации их. Эту последнюю цель советское правительство не находило даже в то время необходимым скрывать. Такая торопливость убить одним камнем двух зайцев оказалась, однако, грубым промахом, оттолкнувшим от большевизма и советской Москвы все руководящие и правящие слои как самостоятельных восточных государств, так и советских колоний. Это обстоятельство отразилось не только на работах конгресса, но и на результатах дальнейшей политики Советов по отношению к мусульманам.

После окончания гражданской войны и объединения в 1922 г. под властью Кремля (в виде союзных республик) всех южных окраин России, населенных в значительной части мусульманами, поведение большевиков переменилось коренным образом. С одной стороны, начались жестокие преследования мусульман внутри Советского Союза, а с другой – коммунистическая пропаганда на мусульманском Востоке не настаивала больше на большевизации чужих стран, а выдвигала на первый план право каждой нации на освобождение от чужого владычества и на полную государственную

самостоятельность.

Текст приглашения на Бакинский конгресс вполне подтверждает далеко идущие намерения советского правительства большевизировать возможно скорее мусульманский мир. Манифест этот обращен был поэтому исключительно к «крестьянам и трудящимся Востока». Эти последние приглашались к созданию собственных организаций и собственных правительств.

«Если вы вооружитесь и если вы присоединитесь к Красной армии, то вы будете в состоянии оказать сопротивление английским, французским и американским капиталистам; тогда вы сведете счеты с вашими собственными эксплуататорами на вашей родине; тогда вы найдете возможность защищать, в свободном союзе с республиками трудящихся мира, ваши собственные интересы; тогда вы сможете эксплуатировать сами природные богатства вашей страны в интересах ваших и трудящихся всего мира, которые будут обменивать честно продукты их собственного труда и будут помогать взаимно...

Мы хотим поговорить с вами о всех этих вопросах на конгрессе в Баку. Не щадите никаких усилий для того, чтобы к 2 сентября прибыть в Баку в наибольшем количестве. Вы пересекаете годами пустыни, чтобы добраться до святых мест для поклонения вашему Богу, — теперь же пройдите пустыни, горы и реки, чтобы явиться туда, где будут обсуждаться совместно вопросы о том, как освободиться от оков рабства, как вам объединиться братски и жить в качестве людей свободных и равных».

На конгресс явилось, естественно, больше всех коммунистов (1300 представителей при общем количестве 1891 делегатов). Председатель Исполнительного комитета Третьего Интернационала, председательствующий на данном конгрессе, Зиновьев резюмировал в своей вступительной речи цели и задачи конгресса следующим образом (согласно французскому тексту): «Мы верим в то, что настоящий конгресс является одним из главнейших событий истории, так как он доказывает, что не только просвещенные трудящиеся и крестьяне Европы и Америки пробудились, но что наблюдаем также день пробуждения не только малого количества, но десятков тысяч, сотен тысяч и миллионов. Эти составляют большинство всего населения земного шара, и потому только они способны вести до конца борьбу между капиталом и трудом...

Коммунистический Интернационал провозгласил с первого дня своего существования: «В Азии .живет в четыре раза больше людей, чем в Европе. Мы освободим все народы, всех

трудящихся...» Наш Интернационал, заседающий в Москве, обсудил вопрос о возможности возникновения революции в восточных странах, прежде чем страны эти пройдут стадию капитализма.. Отныне мы в состоянии утверждать, что Китай, Индия, Турция, Персия и Армения могут и должны дать сражение, чтобы добиться советской системы управления. Эти страны могут и должны быть готовыми стать советскими республикам...

Я подтверждаю, что мы оказываем систематическую помощь группам людей, которые не разделяют наших идей и даже стоят в оппозиции к нам... Мы уважаем религиозные объединения народных масс; но мы знаем, как их перевоспитать; на это требуется упорная работа в течение многих лет.

Мы очень осторожны, когда нам приходится затрагивать вопросы религиозных убеждений трудящихся масс Востока и др. стран... Но в то же время мы должны пробудить в трудящихся массах Востока вражду и волю к борьбе против всех без различия богатых классов населения» (Lothrop Stodda rd. *Le nouveau monde de il lslain*. – Paris, 1923. Pp. 309-310; Ibidem, Pp. 110-113).

Бакинский конгресс был, таким образом, первым пушечным выстрелом, возвещавшим начало кампании Кремля в пользу немедленной большевизации Востока. Как уже отмечалось выше, этот воинствующий коммунизм испугал очень и очень многих участников конгресса, в особенности представителей таких стран, как Турция, Персия, Афганистан и Египет, обладающих уже исторически сложившимся социальным и политическим строем. Поэтому в этих странах многие из лиц, участвовавших в конгрессе, подверглись по своему возврате на родину преследованиям и аресту как коммунисты или агенты московского большевизма. Из боязни перед коммунизмом прогрессивные националисты протянули с этого времени руку консервативным и религиозным элементам для взаимного сотрудничества в вопросах социальных.

Таким образом, Бакинский конгресс оказался действительно историческим событием, но не в том смысле, какого желал Зиновьев, а в том, что на этом съезде восточные народы и в первую очередь мир Ислама узнали из уст самого председателя Третьего Интернационала о настоящих намерениях большевизма. Именно это обстоятельство способствовало усилению взаимного недоверия между коммунистической Москвой и исламом, недоверия, которое в течение ближайших лет привело к вражде между СССР и мусульманами, как находящимися под владычеством Кремля, так и

обитающими за пределами Советского Союза. Оно отразилось и на судьбе мусульманских народов Советской России в том смысле, что ислам с 1922 года начал подвергаться тем же гонениям, каким подвергаются отныне все вообще религиозные верования.

Вместе с некоторыми другими исследователями (В.М. Гречко. Коммунистическое воспитание в СССР. – Мюнхен. 1951, изд. Института по изучению истории и культуры СССР. – С.8) мы делим антирелигиозную политику на шесть периодов:

1) время прямого террора против представителей церкви, главным образом православной;

2) время попытки взрыва церкви изнутри и пропагандой (примерно, совпадающее с периодом нэпа, т. е. 1922–1928);

3) первое сталинское гонение, охватывающее годы 1929–1933 и характерное массовыми ссылками священнослужителей, разрушением церквей, мечетей, синагог, закрытием религиозных кладбищ и т. д.;

4) кратковременная «передышка», когда были допускаемы даже весьма единичные, разумеется, возвращения сосланных священнослужителей, и борьба с религией носила более «мирный» характер;

5) второе сталинское гонение – ежовщина, которую, кстати, совершенно неверно изображают за границей, как преимущественно направленную против оппозиционных элементов внутри ВКПб) – когда было уничтожено (расстреляно и сослано) почти все духовенство (1936-1938);

6) поворот во внешнем отношении к церкви, вызванный, по справедливому замечанию Б.Николаевского, надвигающейся войной и показателями всесоюзной переписи; этот период продолжается и сегодня.

Мы уже обрисовали выше положение ислама в первый период, т. е. во время прямого террора против православной церкви. Мусульманство пользовалось тогда особой благосклонностью советской власти исключительно по соображениям внутренней и внешней политики Советской России, а не потому, что большевизм относился терпимо к религиозным верованиям своих граждан.

Во второй период, совпавший со временем нэпа (1922-1928), ислам не подвергался, правда, особым гонениям со стороны большевиков, но, тем не менее, терпел сильно от провокационной пропаганды «Союза воинствующих безбожников». Деятельность этой организации заключалась, как известно, не только в кампании в печати против религии и ее служителей, в устройстве

атеистических собраний и музеев, в уличных манифестациях, оскорбляющих религиозные чувства верующих всех религий, но и в преследованиях священнослужителей и верующих путем доносов и обвинений в реакционности, в «буржуазном национализме» и пр. Следующий период, от 1928 до 1933 годы, ознаменован беспощадным походом против всех без исключения религий, а, следовательно, и против Ислама. Период этот совпал с началом коллективизации деревни и с гонениями против всякого проявления национальных чувств, национальных традиций, культуры и истории. Особенно преследовалась религиозная литература. В связи с этим конфискованы были мусульманские книгоиздательства; запрещено было печатать и распространять Коран и учебники религии, и вообще всякую литературу духовного содержания. Арабский шрифт, которым печатались все эти книги, был запрещен, и на его место введен в употребление шрифт латинский, который через несколько лет был упразднен с заменой его кириллицей.

Мусульмане, соблюдающие религиозные обряды (молитву, пост, празднование пятницы, Рамазан-Байрама и Курбан-Байрама с посещением в эти дни мечети), а также муллы (имамы), муэдзины, преподаватели мечетских школ (мектебов) и медресе (высших духовных учебных заведений) были зачислены в разряд «нетрудовых элементов» и «лишенцев». Священнослужителей принуждали ко всему прочему, подписывать публичное заявление о том, что их религия является обманом легковверных и невежественных людей, что поэтому они отказываются отныне верить и служить ей, преподавать ее в школах и т. д. Отказавшихся от подписи под такими заявлениями обычно ссылали в тюрьмы и концентрационные лагеря. Таким образом, из-за недостатка мулл и учителей опустело большинство мечетей и духовных школ. Пользуясь этим обстоятельством и другими предлогами, советские власти отводили мечети и духовные школы под устройство «ленинских уголков», атеистических музеев, под торговые склады и лавки, под театры, кино, танцевальные залы, ветеринарные пункты и пр.

Борьба против религии в этот период велась советским правительством с такой последовательностью и жестокостью, что была провозглашена (15.05.1932) даже «безбожная пятилетка», по которой к 1 мая 1937 года на всей территории СССР не должно больше оставаться ни одного молитвенного дома, а самое понятие Бога должно быть изгнано из Советского Союза как пережиток

средневековья.

Надежды советской власти, что террором и циничной пропагандой атеизма можно убить в человеческой душе спиритуализм и связанную с ним прирожденную человеческой натуре веру в Бога, не оправдались. Наоборот, дух победил безбожие доктрины. Перепись 1937 года, задачей которой было выяснить, в какой мере антирелигиозная политика Кремля достигла своей цели – ликвидации веры среди граждан Советского Союза – показала, что не менее 90% населения всех вероисповеданий продолжает чтить Бога и ему поклоняться. Не изменили этого положения и ужасы ежовщины (1937–1938).

После такой неудачи в борьбе против религии советскому правительству не оставалось ничего другого, как переменить тактику и постараться использовать религию как христианскую, так и мусульманскую для своих политических целей. Идя по следам всех диктаторских режимов, советское правительство принудило менее стойких духовных лиц служить ему, выполняя задания Кремля. Этот компромисс между Кремлем и религиями, а в том числе и мусульманской, явился результатом катастрофического начала второй мировой войны.

Так называемая «амнистия» религии, наступившая в 1944 году, открыла для мусульман и христиан, хотя и в ограниченных пределах, возможность совершать богослужения. Как разъясняет Большая Советская Энциклопедия издания 1948 году:

«Всем верующим предоставлено было отныне право образовывать религиозное общество, регулярно собираться для проведения богослужения, выполнять обряды, крестить детей или взрослых, совершать бракосочетание, употреблять предусмотренную ритуалом пищу или воздерживаться в течение определенного времени от нее; верующие не встретят не только какого-либо запрета со стороны государства, но, наоборот, в случае необходимости, найдут помощь в смысле предоставления помещений для молитвенных собраний, оказания содействия в разрешении хозяйственных нужд организованных общин, предоставления фондируемых строительных и прочих материалов для постройки и ремонта новых молитвенных зданий. Учитывая потребность религиозных обществ в подготовке новых служителей культа, государство не только не препятствует организации специальных учебных заведений, но и оказывает содействие, отводя помещения...

Для издания богослужебных книг, молитвенников, требников,

религиозных календарей, периодических журналов государство отпускает бумагу и т. д. Принимая во внимание, что такое вероучение, как Ислам, предусматривает совершение «Хаджи» (правильнее «Хадж», совершивший «Хадж» называется «хаджи». – В.-Г.Д.), т. е. посещение священного для мусульман храма в Мекке (Сауд-Аравия), советское государство оказывает содействие паломникам» (БСЭ. Том «СССР», – М. 1948. – С.1783). Несомненно, положение Ислама в Советском Союзе со времени последней мировой войны улучшилось в сравнении с прошлым прямым террором. Но также несомненно, и то, что приведенная цитата из БСЭ далеко не отвечает действительности, точно так же, как и статья 124 Сталинской Конституции 1936 г. остается до сих пор только на бумаге. О неискренности советской мусульманской политики говорит, между прочим, и тот факт, что паломничество в Мекку состоялось после войны только один раз, а именно в 1946 году. Тогда во главе с верным Кремлю муфтием Абдуррахманом Расулевым отправилась в Мекку группа советских мусульман, состоявшая из наиболее рьяных коммунистов. Настоящая цель поездки была не паломничество к святым местам Ислама, а советская пропаганда на арабском Востоке. «Муфтий» Расулев и «набожные» его паломники выступали с заявлениями и речами о том, что советское правительство является большим другом и покровителем мусульман в Советском Союзе. Момент для «Хаджа» оказался плохо выбранным, так как еще свежо было горестное впечатление, произведенное во всем мире Ислама поголовной депортацией – всего лишь два года перед тем (1944) – татар из Крыма и чечено-ингушей и карачай-балкарцев – из Северного Кавказа. После такой неудачи первого дипломатического паломничества «Хадж» советских мусульман в Мекку больше не повторялся.

Ряд других фактов свидетельствует, что ни мусульманство, ни какая-либо другая религия не пользуется свободой в Советском Союзе; и что все существующие сейчас мусульманские духовные управления в Ташкенте (для мусульман Туркестана), в Уфе (для Европейской части СССР и Сибири), в Баку (для Закавказья) и в Буйнакске (для Северного Кавказа) находятся под строжайшим контролем советских властей; что над священнослужителями тяготеет суровое принуждение. Об этом красноречиво говорит, между прочим, тот факт, что каждая молитва в мечетях должна начинаться с восхваления советского правительства и советской родины (раньше возносилось до небес имя Сталина);

заканчиваться же должна проповедь неизменным повторением, что «советская власть есть власть, данная Аллахом», и что поэтому тот, «кто идет против советской власти, идет против самого Аллаха и его пророка Мухаммеда».

Другим таким же фактом, свидетельствующим о насиловании совести мусульман и мусульманского духовенства, являются выступления время от времени глав мусульманских духовных управлений с заявлением, что они присоединяются к Стокгольмской резолюции Постоянного комитета Всемирного Конгресса сторонников мира. Приводим ниже образчики двух таких заявлений.

Первое из них, опубликованное во всех советских печатных изданиях в 1950 г. от имени Духовного управления мусульман европейской части СССР и Сибири, гласит: «От лица кадиев, мухтасибов и верующих европейской части СССР и Сибири в пределах нашего великого отечества мы выражаем единодушное согласие с резолюциями Стокгольмской сессии Постоянного комитета Всемирного Конгресса сторонников мира. Выражаем уверенность, что претворение в жизнь этих решений будет способствовать дальнейшему укреплению мира во всем мире...

Мы обращаемся к духовенству и верующим, исповедующим другие религии, и ко всем мусульманам с призывом присоединиться к упомянутым решениям и приложить максимальные старания в целях усиления среди верующих дела защиты мира. Председатель-муфтий Духовного Управления Г.Расулев. Член президиума Кадий М. Тугузбаев» («Известия», 13.05.1950).

Другой образчик, напечатанный также в виде сообщения из Ташкента, звучит так: «Активное участие в борьбе за мир принимают мусульмане Советского Востока. Сегодня в одной из мечетей Ташкента выступил председатель Духовного Управления мусульман Средней Азии и Казахстана муфтий Ишан Бабахай ибн Абдул Меджид-Хан. Резко осудив человеконенавистническую политику американско-английских империалистов, пытающихся разжечь новую войну, муфтий призвал всех мусульман единодушно крепить своими подписями Обращение Всемирного Совета Мира» («Известия», 12.09.1951).

Те же муфтии, вместе с остальными своими коллегами из других частей Советского Союза, поспешили по поводу смерти Сталина выразить свои верноподданнические чувства перед Кремлем. Наиболее раболепным из них оказался при этом вновь Ишан Бабахан ибн Абдул Меджид-Хан, пославший из Ташкента телеграмму

следующего содержания: «Президиум Духовного управления Средней Азии и Казахстана и верующие, а также лично я глубоко скорбим вместе с Вами об утрате, постигшей народы нашей родины, о смерти гениального вождя и учителя всего мира, любимого отца нашего И.В. Сталина». Автор этой лицемерной депеши, если бы он был искренним, должен был бы не возносить под небеса, а строго осудить виновника ряда показательных процессов против мусульманского духовенства во всех областях Туркестана, гибели большинства мулл, а также закрытия и разрушения, по крайней мере, 90% всех мечетей и молитвенных домов обширного края.

В цитированной уже статье К. Исламова в журнале «Свободный Кавказ» приводится сравнительная таблица числа мечетей, количества духовных лиц и начальных духовных школ на Идель-Урале (татары и башкиры) и на Северном Кавказе в 1921 и 1941 годах:

Страны

Число

мечетей Число духовных лиц Число начальных духовных школ

1921 1941 1921 1941 1921 1941

Идель-Урал (татары, башкиры и др.) 6000 200 18000 250 7000 ?

Северный Кавказ (горцы) 4000 150 10000 150 2000 ?

По другим сведениям, во всей европейской части Советского Союза число мечетей уменьшилось (в период времени 1907-1942) с 7 000 до 1 312. Конечно, трудно получить полные и точные сведения о числе мечетей, духовных лиц и духовных школ в Советском Союзе в начале Октябрьской революции и в наше время. Ясно, однако, то, что никакие гонения против мусульманской религии не сломили духа верующих.

«Совершенно наоборот, — пишет К.Исламов, — репрессировав духовных лиц, закрывая мечети и духовные школы, большевики достигли противоположных результатов. Во-первых, авторитет религии и ее проповедников, как мучеников за священное дело, неимоверно поднялся в глазах народа. Во-вторых, соответственно усилилась тяга народа к исполнению своего духовного долга. В-третьих, религия, уйдя в подполье, стала не только делом совести, но и делом чести каждого ее последователя. Религия впервые стала воистину общенародной, популярной с усилением ее чисто мистических сторон и образованием многочисленных, между

собой не всегда связанных, но живущих одной жизнью религиозных нелегальных сект. В вышеприведенной таблице не указано число религиозных школ, сохранившихся в 1941 г., но это не значит, что таковых не было. Официально не было ни одной школы, но число нелегальных школ — индивидуальных (на дому) и коллективных (групповые семинарии) было очень велико, хотя и с меньшим числом учащихся, чем в легальных. Советская власть долго и безуспешно боролась с этими школами, так как существовавшая «круговая порука» верующих родителей не давала возможности власти ликвидировать эти домашние школы «мусульманского духовного воспитания».

Несмотря на гонения против религии и духовенства, несмотря на закрытие и разрушение молитвенных домов и духовных школ, несмотря на широко развернутую атеистическую пропаганду, несмотря на замену арабского шрифта сперва латинским, а потом русским и на прочие репрессии — дух мусульманских народов Советского Союза не был сломлен. Больше того — ненависть к советскому режиму еще более возросла. Именно в религии лучшие представители народа, главным образом интеллигентские круги, нашли верного и могущественного союзника. Одновременно наблюдается ослабление интереса мусульманской молодежи к коммунизму вообще. Подтверждается это явление тем фактом, что на советских окраинах в последнее время партией и правительством усилена борьба против «идеалистических отклонений» даже среди самих коммунистов. Так, например, по сообщению радио Ватикана от 14.7.1953 г., районный орган Узбекистана «Правда Востока» резко нападает на население за то, что оно не желает признавать т. н. «научный атеизм» и все еще придерживается своих религиозных убеждений и обычаев. Согласно сведениям вышеназванной газеты, число членов КПСС уменьшилось в последнее время вдвое, а новых членов в партию принято всего лишь 78 человек, тогда как в предыдущем (1952) году было принято 600 человек.

Несмотря на явное банкротство двуличной политики по мусульманскому вопросу, Кремль не перестает продолжать ее на всем Востоке. Если с самого начала политика эта была сосредоточена в рамках Ближнего Востока, главным образом в

Турции, Персии и в арабских странах, боровшихся за свою самостоятельность, то впоследствии она перекинулась на Средний Восток и Южную Азию — в Пакистан, Индию и Индонезию. Главным центром подготовки агитаторских кадров был выбран Туркестан или, вернее, Ташкент, а передаточным пунктом — Афганистан. В Ташкенте создана специальная академия, задачей которой является подготовка советских агентов для всех восточных стран. В этой академии проходят курсы по истории, географии, экономике и т. д.; здесь же изучаются различные восточные языки. Слушатели академии, завербованные не только среди русских и мусульманских народов Советского Союза, но и среди народов всего Востока — индусов, персов, турок, арабов, малайцев и пр. посвящаются в тайны агентурной деятельности. В академию принимают только испытанных и проверенных коммунистов.

Для облегчения переброски советских агентов в восточные страны и для установления затем постоянной связи их с Москвой в Афганистане находятся пять советских консульств, не считая посольства в Кабуле. Все эти дипломатические учреждения обладают многочисленным персоналом, достигающим до 300 человек, которые либо уже являются агентами в соседних странах, либо готовятся к такой работе. Главной обязанностью их является поджигать религиозный фанатизм, национальный шовинизм и ненависть к западноевропейским народам. Кроме того, на них возлагается организация коммунистических ячеек, бдительный контроль над уже существующими местными коммунистическими партиями и поддержка близкой связи с влиятельными религиозными и националистическими деятелями согласившимися поступить на советскую службу.

Порой отправляются из Туркестана особые делегации, состоящие исключительно из мусульман и преследующие цель убедить восточные народы в том, что в Советском Союзе существует свобода вероисповеданий и, что советское правительство даже особенно покровительствует мусульманам. Об одной такой делегации сообщается, между прочим, в статье д-ра А.Гокдеме, который пишет, что делегация эта в составе члена ЦК КП(б) Таджикистана М. Турунзада и председателя союза советских

писателей Узбекистана члена партии Айбека и других советских писателей и ученых отправилась в 1949 г. в Пакистан и Индию. Советские гости выступали с речами на публичных собраниях, устраивавшихся «Пакистано-советским обществом культурных связей с СССР». На одном из устроенных в Лахоре открытых собраний они заявили, что «среднеазиатские республики являются свободными и независимыми».

По своем возвращении в СССР писатель Айбек заявил на одном из устроенных в Ташкенте собраний, что «культурные ценности Лахора ведут свое начало от наших отцов... нашей задачей является подать советскую руку помощи живущему в нищете населению Востока, как и нашим братьям в Пакистане» («Turkeli», март-май 1953)

Тот же автор, ссылаясь на «Правду» от 18.12.1950, сообщает о женских делегациях на съезде женщин Азии в Пекине в 1950 г., созвание которых преследовало те же цели советской пропаганды в Азии, что и съезды в Индии и Пакистане.

Следует тут добавить, что советские делегаты появляются только на заграничных съездах и собраниях, устраиваемых коммунистическими организациями. Но не было еще случая, чтобы официальные представители советских мусульман участвовали также на общеисламских конгрессах, хотя казалось бы, с первого взгляда, эти конференции более всего подходят для советской пропаганды на мусульманском Востоке. Но на этот шаг Кремль не решится и в будущем, так как он знает, что появление советских делегатов вызвало бы бурю возмущения и негодования во всем мире ислама. В особенности Кремль остерегается участия в паломничестве советских мусульман («Хадж») в Мекку, куда ежегодно стекаются сотни тысяч верующих из самых отдаленных пунктов мусульманского мира — Дальнего Востока (Филиппины, Малайя, Индонезия, Япония Маньчжурия, Китай, Восточный и Китайский Туркестан), Южной Азии (Индия и Паки-стан), Среднего и Ближнего Востока, Северной и Средней Африки и балканских стран. Перед Октябрьской революцией число паломников из России в Мекку и Медину доходило временами до 20 000 в год. Больше всего прибывало их из Туркестана, Идель-Урала и Кавказа. Таким образом, Мекка во время «Хаджа» становится сборным пунктом

400-миллионного мусульманства.

Появление советских паломников на народном съезде, несомненно, сопряжено с большой опасностью для международного престижа Советского Союза, ведущего уже десятки лет антирелигиозную и антинациональную политику. Дело в том, что даже наиболее испытанным служителям атеистического советского режима не удалось бы при встрече с паломниками других стран избежать разговоров и дискуссий на тему о непримиримых противоречиях, существующих между Исламом и большевизмом, построенном на бездушном материализме.

Зарубежные мусульманские страны, тесно связанные между собой общим верованием и до известной степени общей историей, все больше и больше отходят от политического сотрудничества с Советским Союзом и постепенно обращаются в сторону свободного Западного мира.

Следовательно, события, происходящие на мусульманском Востоке со времени Октябрьской революции, привели в конечном результате не к «освобождению» Кремлем мусульманских народов, а к сплочению их против советского империализма (См. также статью В.-Г. Д ж а б а г и. Политика Кремля на Ближнем и Среднем Востоке. Вестник Института по изучению истории и культуры СССР, № 7. 1953).

Джабаги ВАСАН-ГИРЕЙ.

Вестник Института по изучению истории и культуры СССР, № 3.
1954. С.42-55. Taryhy makalalar